

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
Warszawa

Как вырваться из заколдованного круга „соседских стереотипов”? Опыт анализа польского публицистического дискурса

В любом, в том числе, в польском этническом пространстве, обитают стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, этностереотипы. Они являются предметом живой заинтересованности многих научных дисциплин как достоверный источник знаний о человеческой природе, о национальной специфике менталитета и характера, об источниках определенного мировидения.

Итак, стереотипы нередко считаются надежным средством упрощения картины мира, причем игнорируется информация, противоречащая этой простоте. Стереотипы – испытанное средство и надежный способ категоризации, в данном случае, способствующей предубеждениям, извращению действительности, дискриминации социальных групп или этносов. В названном аспекте особенно выделяются „соседские стереотипы”, согласно которым противопоставляются „архистереотип нашести”, т.е., нашей непогрешимости, стереотипам, выявляющим различные пороки соседей, которые всегда хуже нас, всегда в чем-то виноваты перед нами, а как таковые обязаны извиняться и оправдываться.

Обильная литература, в частности о „соседских стереотипах” становится стимулом для размышлений в ином аспекте¹. Поэтому данные рассуждения посвящаются презентации и анализу знаков несогласия на пропаганду исключительно негативных „соседских стереотипов” как основы фундаменталистского менталитета, между прочим, разновидности польского способа мышления и восприятия.

Полезно помнить, что „если отсутствует осознание взаимосвязи и некоей человеческой общности с «чужими», то увеличивается дистанция, а это способствует исключению и дегуманизации «чужих»”².

¹ Интереснейшие размышления на эту тему мы находим в книге: T. Walas (red.), *Narody i stereotypy*, Kraków 1995.

² M. Kořta, *Pokusa zbiorowego urojenia*, „Polityka” 29.01.2011, с. 24–25.

Фактический материал (триста карточек) я отобрала из польских публицистических, в основном, полемических текстов периодики умеренного и левого направления за период с середины 2009 по июнь 2011 года³.

Анализируемый дискурс сосредоточен вокруг наболевшей проблематики „Катыньской лжи”, а его экспрессивность непомерно возрастает после Смоленской катастрофы 10 апреля 2010 года, которая стала лакмусовой бумагой, выявляющей также особенности правого экстремистского менталитета. „Настоящими поляками” варьируется с тех пор усиленно теория заговора как эффект „основательно извращенного восприятия”⁴, чрезмерно возрастает идеологизация языка. Имеется в виду „словесный парад” инквизиторов и моралистов, которые приклеивают ярлыки, занимаясь бесконечной манипуляцией в рамках триады, состоящей из риторики ненависти – клеветнических измышлений – „непререкаемой истины”.

Ниже я предлагаю сосредоточить внимание на „ответном публицистическом дискурсе”, на тех вербализованных реакциях, которые выражают несогласие на „единственно правильную картину вражеского российского соседа”. Авторы многоликих текстов названного дискурса – это не только известные публицисты левого и умеренного направления – но и другие мыслители, если не с мировым, то по крайней мере, с очень авторитетным именем. К таковым принадлежат Л. Колаковски (L. Kołakowski), А. Валицки (A. Walicki), Ст. Цёсек (St. Ciosek), Б. Лаговски (B. Łagowski), И. Помяновски (J. Pomianowski), А. Михник (A. Michnik), Д. Пассент (D. Passent), Д. Ротфельд (D. Rotfeld). Все они, а также многие другие, избегая крайностей, пытаются без предвзятости понять современную Россию и современных россиян.

Константными свойствами создаваемой в таком ключе периодики я считаю отсутствие фанатизма, идеологической однобокости, и прежде всего, аргументированность суждений, а также критическое отношение к идеологии „Носителей Единственно Правильного Учения”. Можно сказать, что данный дискурс – это заодно кривое зеркало, которое отображает неблагоприятную правду о нас самих.

Она записана, нередко имплицитно, в „соседских стереотипах”, связанных с оценочными суждениями о России, и прежде всего, о россиянах.

³ См. принятые сокращения: Ang – „Angora”; Dz – „Dziennik”; GW – „Gazeta Wyborcza”; Pol – „Polityka”; Prz – „Przegląd”; RH – „Res Humana”.

⁴ Ibidem.

Надо согласиться, что „польское восприятие других наций характеризуется комплексом неполноценности по отношению к Западу, и комплексом превосходства перед Востоком, в том числе – Россией и россиянами”⁵ (Prz, 5.12.10).

Разумеется, не существует социумов, состоящих из единомышленников, ибо нет единой модели мировосприятия: „Отдельный человек является независимым моральным бытом и вместе с тем, членом общности, подвергающимся ее правам” (L. Kołakowski, GW, 17-18.07.10). Однако, типично для польского социополитического пространства то, что лидеры правого экстремистского направления успешно задают тон. Трудно не услышать голос этих громкоговорящих и агрессивных „миссионеров”, считающих необходимостью учить, воспитывать и перевоспитывать, естественно, используя для этого свободные СМИ.

М. Гловински опытный исследователь польского новояза шестидесятых-восьмидесятых годов XX века, определяет этот способ „общения ради разобщенности”, термином *pisomowa* (*писоречь*), т.е., современная мутация ядовитого новояза, который, оказывается, жив и здравствует⁶.

Упомянутая мутация стала особо активно развиваться также где-то с половины 2009 года, прогрессируя агрессивностью, подозрительностью, даже ненавистью после Смоленской катастрофы 2010 года. Это также время воскрешения всевозможных негативных стереотипов, но и продукции сонма новых. Все семантические (и не только!) средства *писоречи* направлены на полнейшее низвержение России-россиян, и, разумеется, на моральную дискредитацию любых инакомыслящих польских сограждан, иначе говоря – „изменников Родины”.

На противоположном полюсе социополитической жизни обитают именно те, кто несогласен на манихейскую картину действительности, кто готов к диалогу, т.е., к борьбе на аргументы с использованием соответственных языковых средств. Именно в этом дискурсе мы находим, нередко имплицитную информацию, об определенных негативных свойствах то ли нашей ментальности, то ли национального характера, которые создают как бы пространство „слепающей тьмы”.

Сосредоточим внимание на тех изъянах польского национального характера, которые способствуют постройке черно-белого мира,

⁵ М. Jagiełło, *Narody i narodowości*, Wyd. UW, Warszawa 2011.

⁶ М. Głowiński, *Nowomowa i ciągi dalsze. Szkice dawne i nowe*, „Universitas”, Kraków 2009, с. 211–247.

исполненного агрессивности, злобы, но и самоуверенности в своем превосходстве, в своей исключительности. В анализируемом „дискурсе несогласия” мы находим противоядие, способствующее оздоровительным процедурам. Рационалисты полемизируют с „нерушимой уверенностью” в том, что мы, якобы, избранный народ, который и в новейшее время переживает геенну; мы освобождены от необходимости добиваться мирового, в том числе соседского уважения, которое нам просто полагается. Обиженные судьбой и коварными соседями, мы ждем почитания. Такое душевное состояние характеризует, например, Ст. Цёсек: „Героические мифы и убежденность в том, что Польша есть совесть Европы или страдающий Христос, который предвещает эру настоящей свободы и демократии. Отсюда желание, чтобы Польша оказывалась везде и всегда в центре внимания”. В подобном контексте А. Валицки говорит о „пагубной национализации исторической памяти” (RN 2010, nr 1), а также о „попытках шантажировать своими «единицами» образцами патриотизма, исторической политики, справедливости” (Poi 13.02.10). Здравомыслящими полемистами обращается внимание на опасность, угрожающую из-за навязывания единственно правильных моделей гражданского поведения (Prz, 3.05.10). Кстати, „допускается другое, чем у «настоящих патриотов», мнение, но нельзя его выражать” (Prz, 25.07.10). За пределами нормы оказываются „лжепатриоты”, которые нашлись вне „национально-религиозной” крепости. Провозглашается „преклонение перед польскостью, готовность самопожертвования, и одновременно, эта «польскость» редуцируется к мартирологу и к символам” (Prz, 15.05.10). В таком контексте Б. Лаговски обособляет с приведением средств иронии „четыре уровня польского патриотизма”, выявленных после Смоленской катастрофы. В его отсутствие (четвертый уровень патриотизма – J. К.-В.) „обвиняются все, кто не готов клеймить в произошедшем россиян, и только россиян, ибо ТАК БЫЛО” (Prz, 13.06.10).

Катыньское убийство и Смоленская катастрофа – два трагических события, которые вызвали непримиримую полемику между „носителями единственной правды” и теми, кто рационально мыслит и рассуждает. Итак, Катынь и Катыньские ритуалы: „Поляками это убийство воспринимается как экстраординарное, для россиян – это одна из многочисленных кровавых трагедий [...]. Мы обязаны понимать, что наши соседи имеют также право на свою историческую политику, на свою историческую память” (Dz, 15.04.09). Напоминается, что „российское общество иначе относится к жертвам [...]. Катыньские мученики – это лишь составная

половодья испытываемых десятилетиями невероятных страданий. История – божий приговор, и не надо постоянно предъявлять претензии, а затем милостиво и с непонятным снисхождением прощать соседей” (Po1, 10.04.10). „Слепые приверженцы харизматического ненавистника” не желают помнить, что „Москва брела в Катыньский лес ухабистой дорогой. Кроме того, она по сей день даже не знает, как скорбеть о памяти миллионов своих убиенных, которые умирали известными, а умерли неизвестными” (Po1, 14.03.10). И еще, в связи с речью Путина, произнесенную седьмого апреля 2010 года в присутствии польского президента: „Его привела в Катынь общая память, общая с нами и запутанная история, а также вера в будущее. Он осудил сталинские преступления, жертвой которых стали тысячи поляков, но и миллионы россиян, а также страдалцев, представляющих другие национальности. «Прошлое не может нас разъединять»” (Prz, 18.04.10). В том же аспекте: „Поляки всегда недовольны. Требуют слишком много. Путин сделал в Катыни максимум того, что он мог сделать. Он подтвердил советскую ответственность за это грандиозное преступление. Он воздал почести убиенным” (Po1, 20.04.10). Еще в более широком контексте: „Катыньские ритуалы уже давно перешагнули пространство борьбы за память, за правду [...] испокон веков разные культуры имеют разные табу. Определенных вещей нельзя описывать, не надо показывать. То, каким становится человек, во многом зависит от того, чем мы кормим его воображение” (Б. Лаговски, Po1, 15.05.10). Между тем, „наши выпускники” обладают многими „фальшивыми знаниями”. Ненавидят евреев, вражески и пренебрежительно относятся к россиянам (ruscy, sowięci). Они ксенофобичны, нетолерантны, самовлюбленны (Prz, 27.09.09).

Рационалистами „впередсмотрящими” напоминает о зависимости нашего будущего в Европе от польско-российских отношений: „Время подумать об улучшении наших контактов вместо того, чтобы заниматься нескончаемой эскалацией исторических притязаний. Пусть еще раз, и еще раз извиняются; не только за Катынь. Еще и за разделы Польши, за Сибирь, за подавленные восстания. Такого Россия не перенесет, а Европа просто не поймет” (Prz, 18.04.10). И еще А. Валицки: „Непредвзятое сотрудничество с Россией сегодня не угрожает нам вассальной зависимостью, зато оно могло бы стать основой не только доброжелательного отношения, но и уважения к нам со стороны Евросоюза” (GW, 17.07.10). К сожалению, „у нас превалирует мистика жертвы, символика вечной памяти о польской голгофе – Катыни. Так выражается наш современный «надгробный патриотизм». Естественно, надо помнить, но эта память не должна

блокировать польско-российского примирения” (Po1, 12.09.09). Польские экстремисты не вняли разумному воззванию польского же министра: „Польша должна сойти с мариологического пьедестала и снять терновый венец” (Po1, 12.09.09). Тем более, напоминает Б. Лаговски, „надо бы отказаться от лживой интерпретации прошлого, согласно которой россияне всегда были агрессорами, а поляки – жертвами. Эти пропагандистские суждения вкупе с воззваниями помнить, не перевоплотятся в оздоровительную правду” (Po1, 9.05.10).

Продукцией новых и оживлением имеющихся стереотипов исполнена социополитическая жизнь после Смоленской катастрофы. Ведущую часть масс медиа в этом процессе определяет метко Б. Лаговски: „Фестиваль журналистской безответственности, игноранции и бесстыжего притворства всезнающих” (Prz, 13.04.10). Экстремистами распространяются многочисленные варианты теории заговора. Кстати, психологи объясняют наличие таковых политической паранойей, т.е. – „особым восприятием и пониманием политической действительности, глубоко деформированным миропониманием [...]. Сказанному способствует авторитарное мирозерцание, которое составляют сильная привязанность к традиции, уверенность в константности общественных норм, а также ожидание, что все другие будут поступать согласно нашим правилам, а врагом оказывается, что вполне закономерно, любой, кто мыслит иначе”⁷.

Ожесточенная борьба за „Смоленскую правду” равнозначна борьбе за власть с актуально властью предрержащими, т.е. „чужими”, у которых, по мнению фанатиков, „руки в крови”. Так или иначе, „это бесспорно: надо спасти страну перед потерей свободы, угрожающей со стороны России” (Prz, 30.01.11). *To oczywiste, oczywista oczywistość* (Это явно бесспорно. Это „бесспорная бесспорность”) – опознавательные языковые знаки риторики „всезнающих”⁸. В таком контексте целесообразно обратить внимание на риторику аргументирования. Например: „Поляки считают, что их траур – это небывалый подвиг, который требует увековечения. Существует ли в природе народ, который просто заставляет мировую общественность чтить свою скорбь?” (Д. Пассент, Po1, 10.04.11).

Закрепились две правды о катастрофе. „Одна из них выражена безапелляционным внушением однозначных ассоциаций между Катенью и Смоленском. Другая – это восприятие катастрофы как результата сплетения политических амбиций, бравады, самоуверенности и некомпетен-

⁷ M. Kofta, op. cit.

⁸ M. Janicki, W. Władyka, *Smoleński słownik Prezesa*, „Polityka”, 26.02.2011, с. 22–24.

тности” (Prz, 10.0.11). И еще: „Право и Справедливость рапорт МАК-а, отношение к нему, трактует как тест на польскость. Кто громко кричит, что он неприемлем, что это скандал – патриот. Тот, кто относится к рапорту серьезно – изменник родины, предатель” (Prz, 30.01.11). Далее, о больных эмоциях и о бескритичности вместе с самовлюбленностью: „Рапорт МАК был признан народом как плевок в лицо полякам. Разумеется, вне «бесполезного изучения» причин катастрофы, которые опровержению не подлежат” (PoI, 26.03.11). В рамках подобной стилистики высказывается И. Помяновски, озаглавив свой текст *Туман в голове (Zamglenie umysłowe)*: „внушение «правды» об искусственном тумане над огромным пространством – это или шутка или просто саенс фикшен” (Prz, 3.04.11). И обобщающе, о причинах подобного речеповедения: „Трудно превозмочь польские фобии, так как с молоком матери впитаны наклонность к истерике вместо критического мышления, и «соседское ненавистничество»” (PoI, 4.05.11).

Можно ли вырваться из этого заколдованного круга? Разумеется, нет простых ответов, тем не менее, есть направляющие нас на праведный путь дорожные знаки. Итак, надо согласиться с философом, что: „Мы обязаны усвоить свою историю в целом. В ней кроме прекрасного и знаменитого записаны ужасы и чудовищность деяний. Наряду с шедеврами свободной человеческой мысли, мы находим акты жестокости и притеснения. Мы обязаны это осознавать, если хотим найти свое место под солнцем, если желаем узнать, кто мы, и как должны вести себя” (Л. Колаковски, GW, 17-18.07.10).

Процитированное реализовано в процессе гигантской работы мысли, проведенной формально действующей с 2002 года Польско-российской группой по решению трудных вопросов. Содержание монументального (свыше девяти сот страниц *in quarto*) научного труда есть богатейший исследовательский материал, позволяющий осознать масштабность многотрудных вопросов, составляющих паутину потаенных и оболганных обоюдно правд⁹.

Лишь узнавая и одобряя как факт неблагоприятную правду о себе, мы уходим от „коммуникативной безмолвности глухих”¹⁰ и оказываемся в коммуникативном пространстве успешного межкультурного общения.

⁹ A.D. Rotfeld, A.W. Torkunow (red.), *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w polsko-rosyjskich stosunkach 1918–2008*, PISM, Warszawa 2010.

¹⁰ Метафору „коммуникативное безмолвие” я одолжила из текста: В.И. Грешных, *Модальность коммуникативного безмолвия*, [в:] И.Ю. Кукса (ред.), *Модальность как семантическая универсалия. Сборник научных трудов. Посвящается юбилею профессора С.С. Ваулиной*, Изд. Российского государственного университета им. И. Канта, Калининград 2010.

Streszczenie

*Jak wyrwać się z zaklętego kręgu „sąsiedzkich stereotypów”?
Analiza polskiego dyskursu publicystycznego*

Przedmiotem rozważań w niniejszym tekście jest prezentacja oraz analiza semantyczna polskiego publicystycznego „dyskursu niezgody” jako reakcji na manichejską ocenę rzeczywistości prezentowaną przez kreatorów wizji czarno-białego świata.

Wyekscerpowany materiał dotyczy okresu od połowy 2009 do połowy 2011 r., a źródłem są periodyki orientacji umiarkowanej oraz lewicowej. W tym przedziale czasowym dyskurs był zdominowany przez bardzo różne, częstokroć skrajne oceny mordu katyńskiego oraz katastrofy smoleńskiej z 10.04.2010 r. To zarazem okres odradzania się starych oraz powstawania nowych negatywnych stereotypów dotyczących Rosji, a zwłaszcza Rosjan.

Jednostronność wysoce emocjonalnych ocen stanowi bodziec wywołujący „kontrdyskurs” oparty na argumentach i zdrowym rozsądku. Zderzenie tych dwóch interpretacji tworzy wielobarwną przestrzeń kulturową, informuje o polskiej mentalności, tym razem w aspekcie oszacowania naszych wad narodowych.

Czy można wyrwać się z tego zaklętego kręgu? Na to proste z pozoru pytanie nie ma jednoznacznej odpowiedzi. Jednakże poznając bolesną prawdę o sobie, rezygnujemy z „komunikacyjnego milczenia niedosłyszanych”, odzyskujemy zdolność do uczestniczenia w dialogu międzykulturowym.

Summary

*How to break free from the vicious circle of
“neighbourly stereotypes”?*

The aim of these deliberations is the presentation and semantic analysis of the Polish journalistic „discourse of disagreement” as a response to the Manichean assessment of reality, as presented by the authors of the black-and-white vision of the world.

The excerpted material refers to the period from mid-2009 to mid-2011 and is derived from moderate and left-wing orientation periodicals. At that time bracket, the discourse is dominated by very different, often extreme assessments of the Katyn crime and the Smoleńsk catastrophe of 10 April 2010. It is, at the same time, a period of reviving old and emerging new negative stereotypes about Russia, and especially the Russians.

The one-sidedness of emotional evaluations is a stimulus triggering off a different quality discourse based on arguments and common sense. The clash of these two interpretations creates a colourful cultural space and provides information about the Polish mentality, this time in the aspect of evaluation of our national shortcomings.